

РЫЦАРЬ УХОДЯЩЕГО ВЕКА

Сегодня Ингмару Бергману исполняется 80 лет

Независимая газета
№ 1998, 14 июля 1998 г.

Валерий Модестов

В СЮ ЖИЗНЬ Ингмар Бергман не перестает задавать себе и другим неудобные вопросы, он задает их с экрана, со сцены, со страниц своих книг. Он испытывает человека верой и безверием, любовью и ненавистью, пошлостью жизни и страхом смерти, одиночеством, на которое человек обрекает себя сам, и одиночеством в толпе себе подобных. Вопросы эти не требуют ни сиюминутного решения, ни моментального действия, но заставляют задуматься и не отпускают долгое время, принуждая душу трудиться. Пожалуй, он один из последних художников уходящего века, кто вслед за Ибсеном, Гамсуном, Стриндбергом, Достоевским изображает «с таким терзающим и страдающим надрывом искания выхода изолированной личности».

пира, Камю, Чехова, Ануя, Брехта, Миллера; осуществлял постановки опер, балетов и даже оперетт (причуды гения!), писал сценарии новых фильмов, книги и эссе («Как делается фильм», «Мечты художника»), давал многочисленные интервью.

Конечно, фильмы Бергмана не шли у нас в стране широко (кто бы это позволил в те годы?), и видели мы их только во время московских кинофестивалей или на тематических кинопросмотрах, но те, что удавалось посмотреть, переворачивали душу и запомнились надолго.

Недавние приуроченные к юбилею Ингмара Бергмана ретроспективные показы его фильмов, состоявшиеся в Москве и других городах России, подтвердили нашу давнюю преданность творчеству этого великого мастера, ибо залы были заполнены не только теми, кто когда-то был потрясен «Земляничной поляной», но и их взрослыми детьми

Страх в фильмах Бергмана вызван не мелкими повседневными неурядицами и не монстрами и чудовищами, это страх за судьбу человечества и человека, страх за все живое на планете Земля.

Карл-Андерс Дюмлинг, критик, многолетний продюсер фильмов Бергмана и его друг, считал, что «Ингмар — существо в высшей степени ранимое, чрезвычайно чувствительное, человек очень живой, вспыльчивый, иногда крайне безжалостный в преследовании своих целей, подозрительный, упрямый, капризный, очень непоследовательный. Он обладает невероятной силой воли».

Другой критик, Харри Шеин, утверждал, что Бергман «довольно сентиментален», что он «переоценивает свои литературные возможности», что «ему свойственны некоторая моральная неустойчивость, демонстративное безразличие к социальным аспектам, за счет интереса к эротике и театральной жизни», что он «обладает

ности. Скоро о нем заговорили в Европе и в США, ставя его произведения в один ряд с фильмами «великих итальянцев».

Все последующие годы, вплоть до 90-х, Бергман оставался верен избранному пути. Он с беспощадной последовательностью заставлял героев своих лент страдать, отчаиваться, уходить в себя, погибать или сходить с ума, отстаивая таким образом свое право художника на иное видение мира и его устройства, на иное представление о человеке, его предназначении, роли и месте в этом мире.

Одной теме — религии — Бергман уделял особое внимание. Сам он это объяснял так: «Меня часто спрашивают как сына священника о роли религии в моем мировоззрении и в моей работе. Мне кажется, религиозные проблемы всегда живы. Я никогда не переставал ими заниматься; это продолжается непрерывно, но это происходит на интеллектуальном уровне, а не на эмоциональном. Религиозные эмоции, религиозная сентиментальность — от этого я давно избавился (надеюсь). Религиозная проблема для меня интеллектуальная проблема: отношение моего ума к моей интуиции, результатом этого конфликта обычно бывает нечто вроде вавилонской башни».

Одной из последних значительных литературных работ Ингмара Бергмана стал роман из жизни его родителей «Благие намерения», который вышел в свет в 1991 году. Художник сам как бы вернулся «на земляничную поляну своего прошлого» и рассказал, легко и свободно оперируя фактами и событиями, «о юности своих родителей, первых годах их брака, их нуждах, неудачах и «благих намерениях». Эта игра в воспоминания так увлекла Бергмана, что, по его собственному признанию, «стала достовернее действительности». «Я осторожно прикасался к лицам и судьбам моих родителей», — писал он в предисловии, — и мне казалось, что я немало узнал о самом себе».

О чем этот роман? О человеческих судьбах, о поисках любви и мечты о счастье, о попытках человека, часто безуспешных и порой трагических, противостоять силам зла и разрушения во внешнем мире и в нем самом. (Роман переведен на русский язык и в 1996 году вышел в издательстве «Художественная литература».) В 1992 году по роману «Благие намерения» был снят фильм, который получил «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском кинофестивале.

Несмотря на фантастический успех своих фильмов, Бергман никогда не страдал тщеславием. Он и сейчас не делает ничего, «чтобы быть на уровне своей огромной славы». По мнению критика Бенгта Идестама Альмквиста, «он плюет на свою известность и делает фильмы так, как ему хочется». И все-таки мнение других о его творчестве Бергману не безразлично. Как-то в беседе с журналистом он сказал: «Сознание, что тебя будут судить и давать оценки, униительно, неприятно думать, что то, о чем ты в глубокой тайне мечтал и создавал, считаешь, что это необходимо тебе и другим, объявят никому не нужным, глупым, нелепым...»

Ингмару Бергману, который никогда не изменял своему таланту и призванию, такие оценки не грозят.

Сцена из последнего фильма Ингмара Бергмана «В присутствии клоуна».

Знакомство нашего зрителя с творчеством Бергмана началось поздно, в 60-е годы, когда мы смогли наконец увидеть его фильм «Земляничная поляна». Благодаря этому фильму мы не раз потом мысленно возвращались на «земляничные поляны» своего детства, пытаясь вспомнить и осмыслить прожитые годы, как это делал старый профессор Исаак.

Мы еще не видели тогда фильмы, созданные Бергманом до «Земляничной поляны»: «Летняя игра», «Лето с Моникой», «Вечер шутов» и апокалиптический фильм-притчу «Седьмая печать» о борьбе между Рыцарем и Смертью, получивший приз на Каннском кинофестивале (1957 г.).

После «Земляничной поляны» были десятки других фильмов («У истоков жизни», «Лицо», «Источник», «Как в зеркале», «Причастие», «Молчание», «Змеиное яйцо», «Фанни и Александр», «Благие намерения»); многие из них получили престижные кинематографические премии и награды. А между съемками фильмов, а то и параллельно с ними Бергман ставил в театре Ибсена, Стриндберга, Шекс-

и даже внуками, которые по-своему ощущают, воспринимают и оценивают мир этого необычного художника, тем более что многое из того, о чем задумывался и говорил Ингмар Бергман, перестало быть для нас чем-то умозрительным и перешло в разряд реальных повседневной жизни.

Еще в конце 70-х на экраны мира вышел фильм «Змеиное яйцо», в котором Бергман на примере Германии показал предпосылки, создающие питательную среду для возникновения фашизма. Безработица и обнищание озлобляют людей, ведут их к утрате жизненных целей и ориентиров, взаимной отчужденности, превращают в инертную толпу, которой начинают манипулировать политические авантюристы и преступники.

Может быть, в этом и есть великий смысл бергмановского кинематографа, который вот уже многие десятилетия потрясает и завораживает, отталкивает и притягивает, заставляет страдать и грустить, переживать и каяться. Одним словом, следуя завету Аристотеля, «очищать дух при помощи страха и сострадания».

удивительно точной интуицией относительно воздействия драматургии на публику, ему свойственна поэтически иррациональная дерзость». Дружбы и близкие Бергмана считали его человеком «сложным, но приятным в общении... безудержным выдумщиком и гостеприимным хозяином».

Бергман начинал свою творческую жизнь как театральный режиссер, а в кинематограф пришел в начале 40-х годов как писатель (фильм «Травля»), который смотрел на мир глазами юного бунтаря, «резко критикующего своих родителей, оскорбляющего учителей, вступающего в связь с проституткой, выступающего против всех и вся, чтобы сохранить свою свободу и неприкосновенность, свое право быть несчастливым», — писал уже упоминавшийся Карл-Андерс Дюмлинг. Бергман быстро вырос и уже в начале 50-х заявил о себе как о вполне сложившемся художнике — сценаристе и режиссере. Опираясь на идеи Серена Кьеркегора, драматургию Августа Стриндберга и Альбера Камю, он сосредоточил внимание на философском, нравственно-психологическом осмыслении действитель-